

Ю.Н. Попович

Мифология в концепции К. Леви-Стросса

В статье отражается специфика мифа в контексте структурной антропологии Леви-Стросса как явления в целом и как способа миропонимания индейцев Северной и Южной Америки; обозначаются сильные стороны структуралистского подхода к мифологическому содержанию.

Ключевые слова: миф; мифема; мифологическое мышление; универсальность мыслительных структур.

Одной из самых заметных фигур в современной антропологии является французский философ-структуралист Клод Леви-Стросс. Применив к антропологии методологию структурализма, он стал основателем новой дисциплины — структурной антропологии (этнологии). Методологическая система Леви-Стросса во многом базируется на принципах структурной лингвистики и областью своей реализации предполагает системы родства в традиционных обществах и мифологию.

Как и любая плодотворная идея, а тем более методологическая, подход, предложенный французским философом, имеет как положительные, так и отрицательные оценки. Критическое мнение возникает, главным образом, в результате того, что сам метод не безупречно ложится на аналитическую практику мифологического содержания (например, система бинарных оппозиций не всегда работает безотказно). Однако, несмотря на это, применение данной методологии на материале мифов индейского народа и последующие выводы об общих для всех культур бессознательной когнитивной структуры являются, пожалуй, самым примечательным и ценным для науки в творчестве К. Леви-Стросса, поскольку даёт возможность подступиться к осмыслению специфической мифологической массы посредством совершенно определённого инструментария. Именно массы, так как для учёного системой восприятия и принятия действительности «дикарями» она становится в полном смысле этого слова только после её «проработки» способом, предложенным французским философом.

В учении К. Леви-Стросса миф предстаёт уникальным явлением и с точки зрения своей сущности, и с точки зрения своей структуры.

Учёный отказывается сводить миф «или к беспочвенной игре воображения, или к примитивной форме философских спекуляций» [6: с. 239]. Уже тот факт, что в разных частях земного шара встречаются мифы со сходными чертами, заставляет его сомневаться в том, что мифы — это всего лишь разрозненные между собой элементы культур, алогичные по своему содержанию. К. Леви-Стросс допускает, что глубинный анализ этих сходств может привести к интересным

результатам в области не просто мифологического содержания, а мифологического мышления.

В первую очередь он определяет миф как языковое и внеязыковое явление одновременно. Несмотря на то, что миф — это явление языкового порядка, так как является составной частью языка, главным в нём оказывается не стиль, форма повествования или синтаксис, а история. «Миф — это язык, — пишет К. Леви-Стросс, — но этот язык работает на самом высоком уровне, на котором смыслу удаётся отделиться от языковой основы, на которой он сложился» [6: с. 243].

Далее французский учёный анализирует миф, опираясь, как раз на его языковую природу. Последнее позволяет ему применить к мифу то, что свойственно явлениям исключительно лингвистического характера. Любой лингвистический объект состоит из частей, некоторые из которых входят в языковые структуры, такие как фонемы, морфемы и семантемы. Каждая из них сложнее предыдущей. Миф можно рассматривать по такому же принципу — разбить на составные части (единицы) и выделить среди них наиболее сложные структуры (мифемы). Однако здесь аналогия с языком заканчивается. Так как миф — это не высказывание, его мифемы не могут определяться по типу фонем, морфем или семантем. К. Леви-Стросс предлагает искать их на уровне фразы.

Выше приведённый процесс поиска структурной единицы мифа хорошо демонстрирует то, как учёный тонко применяет лингвистический метод к специфике мифа как этнологического объекта. С одной стороны, он использует способность мифа как языкового явления делиться на единицы разного уровня, с другой — сохраняет за ним социальную значимость, понимая отличие сложного характера мифем от более простого характера единиц лингвистического объекта. Эта часть исследования на более глубоком теоретическом уровне показывает не возможность изучения этнологических объектов посредством полной аналогии с принципами лингвистики. Выявление этой методологической особенности К. Леви-Строссом на ранней⁴ и последующей ступени исследования, говорит о его последовательности в изучении предмета.

Продолжая рассуждать о мифемах, учёный ещё больше погружается в специфику мифа, указывая, что структурные единицы последнего не могут быть просто отношениями, как это имеет место в языке с его большими структурными единицами. Они должны быть принципиально чем-то иным, чтобы нести социальную нагрузку, а главное, объяснять способность мифа быть во временном пространстве не только диахроничным, но и синхроничным, т. е. быть не только повествованием о прошлом, но и способом объяснения настоящего и будущего. Этим требованиям мифема удовлетворяет только в том случае, если рассматривается не отдельно сама по себе, а вкуче с другими мифемами. В этом случае мы имеем дело с пучком отношений. *Определённое сочетание таких пучков и становится для К. Леви-Стросса ключом к пониманию мифа.*

⁴ Об этой части исследования мы подробно писали в I главе.

Известный исследователь Е. Мелетинский в своей статье «Клод Леви-Стросс. Только этнология?» осуществляет сравнительный анализ подходов В. Проппа и К. Леви-Стросса, и этот анализ показывает, что Леви-Стросс избирает совершенно иной путь к анализу мифологического содержания, нежели тот, который осуществляет известный русский исследователь В. Пропп при анализе сказочного содержания. Если поначалу в их подходах можно найти нечто общее — деление объекта исследования на отдельные предложения, то в дальнейшем между ними обнаруживается пропасть. Пропп «анализирует структуру повествования исключительно как линейного развёртывания сюжета во времени в виде последовательного сцепления эпизодов», — поясняет позицию специалиста по сказкам Е. Мелетинский [8: с. 121]. Его предложения анализируются горизонтально, т. е. синтагматически. К. Леви-Стросс считает, что подобный подход позволяет лишь установить, что рассказывает миф (сюжет), в то время как истинное понимание мифа — понимание того, *как «дикари» мыслили, воспринимали окружающий мир, какие проблемы решали* — приходит с вертикальным прочтением: анализом сходных пучков отношений, которые выстраиваются не друг за другом, а как бы друг под другом — без четкого следования временной последовательности, без принадлежности к какому-то определённом контексту. Вертикальную интерпретацию отношений он иллюстрирует определённой сеткой, в которой мифемные отношения читаются колонкой за колонкой слева направо. Отношения в каждой колонке образуют единое смысловое целое, например, переоценку родственных отношений, недооценку отношений родства, затруднения в пользовании конечностями и т. п. (см. приложение) [7: с. 248–249]. Важно не место конкретного отношения (мифемы) в синтагматической цепи, а его положение (вместе с другими похожими отношениями) к системе в целом — её парадигме.

В этой части строссовского исследования важно обратить внимание на то, что ученый не просто вводит парадигмальное толкование мифологических отношений, а устанавливает реальные взаимосвязи между ними на примере конкретных мифов, т. е. его предложение о выявлении социальной роли мифа через вертикальный анализ мифемных групп находит подтверждение на реальном этнологическом материале.

Одним из преимуществ предложенного К. Леви-Строссом подхода является то, что он снимает проблему поиска подлинного варианта мифа. Так как важным является не то, каким миф выглядел первоначально, а то, *какую информацию он содержит о предмете мышления примитивного общества*, строссовский миф представляет собой не один единственный вариант какого-либо сюжета, а совокупность его всех вариантов. Такая совокупность не только не путает интерпретатора (как это происходит в случае того, кто рассматривает миф лишь с точки зрения исторической этимологии), а позволяет ему ещё больше погрузиться в предмет, который пытался осмыслить «примитивный человек».

Другим аспектом проблемы анализа мифологического содержания является проблема выявления в мифах бинарных оппозиций (противопоставлений) и их разрешения посредством среднего члена — медиатора. Об этом К. Леви-Стросс также пишет в статье «Структура мифа». Как и всегда, он не просто предлагает пустую теоретическую конструкцию, а выстраивает её на основе конкретного мифологического содержания. Так, например, мифы зуны хорошо демонстрируют то, как фундаментальное противоречие между жизнью и смертью ослабляется менее резким противоречием между царством животных и царством растений, их противоречие в свою очередь ослабляются противоречием между плотоядными и травоядными. В результате мы видим постепенное уменьшение напряжения между первоначальными противоположными членами посредством входящих в них менее резких противопоставлений. Их снять намного легче. Индейцы делают это через введение такого медиативного мифического персонажа, как ворон (или койот), который будучи живым, сам питается падалью и таким образом является неким объединяющим элементом между всеми уровнями противоречий.

Любой миф — это постепенное снятие противоположностей, выявляющиеся через раскодирование различных видов кодов, — географического, социологического, космологического, кулинарного и др. Познав бинарную структуру мифов, мы тем самым познаем *структуру интеллекта первобытного человека*, а познав структуру его интеллекта, мы познаем структуру интеллекта современного человека и научного мышления, которому также свойственен бинаризм. Показывая, что логика «дикарей» не менее стройна и не менее продуктивна, чем логика человека современной цивилизации, К. Леви-Стросс опровергает распространённое мнение о качественной разнице между операциями их мышления. Он указывает на то, что *разница коренится не в познавательных структурах как таковых, а в объектах познаваемой действительности*, которые действительно содержательно меняются и усложняются в процессе развития цивилизации. Поэтому понятие прогресса уместно только в отношении познавательного материала, а не познавательных функций мышления [8: с. 269–270]. Утверждение французского учёного представляется вполне справедливым, если учитывать, что ему, удалось если не полностью обосновать тезис об универсальности мыслительных структур, то, во всяком случае, показать, что подобное предположение не лишено объективного смысла, и в этом направлении можно работать. А тезис о качественной разнице предмета познания у людей примитивного и современного обществ несложно подтвердить элементарным анализом исторического процесса: в разные периоды существования человечества на суд его мышления выпадали разные объекты бытия. Природа по-разному входила в разные эпохи, а рукотворный мир, однажды возникнув, постоянно усложнялся; каждый этап этого усложнения выступал новым предметом познания; каждая новая эпоха встречала уже усовершенствованный объект человеческой деятельности. При этом современное состояние природы и многократно преобразованного рукотворного мира могли бы свободно анализироваться членом

традиционного общества за счёт ресурсов своего мышления, если наделить его знаниями и опытом современного человека.

Вот некоторые аспекты строссовского понимания мифа, его структуры и значения. Даже анализ этого неполного перечня характеристик мифа, которые предлагает структурная антропология, даёт основания допускать, что подход К. Леви-Стросса способен глубоко и широко раскрывать потенциал мифологического мышления в традиционных обществах. О серьёзности исследования свидетельствует ряд выявленных нами особенностей, которые его характеризуют.

Обозначая лингвистические основания своего метода на теоретическом уровне для всего предмета своего исследования, К. Леви-Стросс практически сразу экстраполирует их на более частные теоретические конструкции. Так, лингвистические посылки ложатся в основу анализа мифа как такового. Здесь речь уже идёт не вообще об особенностях изучения примитивного мышления, а о конкретной форме, через которую оно проявляется. Забегая вперёд, можно сказать, что в дальнейшем К. Леви-Стросс распространяет свою методику на анализ ещё более узкого по отношению к объёму всего исследования материала — большой совокупности конкретных мифов индейского этноса. Последовательность в применении методологии на разных уровнях исследовательского материала ещё больше приобретает вес, когда она осуществляется с адаптацией к специфике именно антропологического содержания. Сначала учёный пронизательно замечает, что выявленная им аналогия между явлениями языка и культуры не способна в чистом виде работать эффективно, затем отмечает разницу между единицами языка и мифа, а в конце уже почти полностью переходит на специфику культурных явлений, открывая смыслообразующую связь между пучками мифем. Всё это показывает неформальность (продуктивность) описанного К. Леви-Строссом подхода. Открытое учёным парадигмальное пространство мифа, «составляющееся» из пучков мифемных отношений, также возникает у него не на основе голых теоретических посылок — оно демонстрируется на примере огромного количества конкретных мифов в четырёх томах «Мифологик». Всё это позволяет подходу К. Леви-Стросса претендовать на статус полноправного члена научной методологии.

Основательная методологическая база становится своеобразным фундаментом для выдвижения гипотезы о том, что для всех культур существует единая бессознательная и вневременная структура мышления, над которой автоматически надстраивается важная гуманистическая мысль о равенстве культур и самооценности каждой из них.

Таким образом, мы увидели, что идеи и методы К. Леви-Стросса имеют перспективы на дальнейшее их включение в арсенал средств, с помощью которых решаются проблемы гуманитарных дисциплин.

А теперь рассмотрим применение методологической системы К. Леви-Стросса на конкретном материале — материале мифов индейцев Северной и Южной Америки.

Одна из самых примечательных частей исследовательской работы К. Леви-Стросса — это та часть, которую учёный изложил на страницах своих знаменитых «Мифологик». В них он систематизировал более 800 мифов индейцев Северной и Южной Америки. Все четыре тома этого объёмного труда связаны между собой, и в то же время каждый из них имеет свою специфику.

Содержательная связь осуществляется по принципу выделения из первого мифа темы, с помощью которой тот соприкасается с другими мифами. Важно заметить, что первым такой миф оказывается не потому, что является первым хронологически в совокупности индейских мифов, и не потому что имеет содержательный приоритет по отношению к остальным мифам, а потому что этот миф «случайно» стал точкой отсчёта, с которой К. Леви-Стросс начал анализ мифологической системы.

I том. Мифы отражают переход от природы к культуре: кулинарные мифы вкупе с мифами о происхождении огня, воды, мёда, табака и ядов вовлекают в анализ мифы о происхождении культурных растений, смерти и короткой жизни, мифы астрально-небесного содержания. Переход от природы к культуре.

II том: мифы о мёде отражают переход от культуры к природе.

III том и IV том: мифы, объясняющие те места в I и II томах, которые не были объяснены их собственным потенциалом.

Связь между томами теоретико-методологического характера.

I том. Исследуется логика восприятия (чувственных качеств).

II том. Исследуется логика форм через выявление бинарных оппозиций.

III и IV тома: Исследуется логика отношений через выделение понятий, складывающихся в высказывания и суждения.

На каждом из этих уровней (восприятия, понятия, отношения) концентрируется соответствующее содержание, определяющее специфику содержания каждого тома.

I том. Анализ эквивалентных кодов чувств. Например, краткость человеческой жизни как культурное явление, в силу которого человек не живёт так долго как некоторые явления природы, в различных мифах передаётся такими кодами чувств как слуховой (оппозиция тишины и шума), вкусовой (оппозиция растительной пищи и каннибализма), обонятельный (оппозиция гниения и нетленности), осязательный (оппозиция мягкости и твёрдости).

II том. Анализ полифункциональных предметов и их опосредующей функции. Например, калебаса — это одновременно и инструмент священной музыки, и полое дерево, используемое как барабан — инструмент светской музыки (здесь она посредник для перехода от культуры к природе), и сосуд для мёда — вместилище для пищи, приготовленной человеком (здесь она посредник для перехода от природы к культуре).

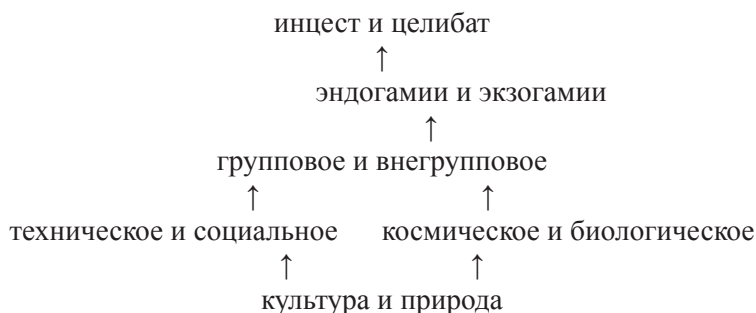
III том. Анализ соотношений различных кодов: астрономического (небо — земля), географического (близкое — далёкое), анатомического (голова — ноги) и т. п.

То, что все тома связаны друг с другом и содержательно, и методологически уже говорит о наличии целостности исследования, описанного в них. Переход от одного тома к другому осуществляется логично и последовательно, особенно это важно в отношении методологической стороны, а её роль в определении специфики содержания особенно сильно «звучит» соотнесённость методологических «ступеней» (чувственной, понятийной, отношенческой) с конкретным содержанием мифов — свидетельствует о системности подхода.

Такова краткая характеристика «Мифологик», которая была нами структурирована по материалам монографии Н.С. Автономовой [1].

В рамках мифологического содержания, которое представлено в его четырёх томах, и осуществляется мышление «дикаря». Остановимся подробнее на главном его механизме — бинарных оппозициях.

Всё мифологическое содержание построено на процессе разветвления понятий, которое образно можно представить виде дерева. Сам процесс способен породить оппозиции до бесконечности:

Логика мифов чаще всего оперирует не одиночными оппозициями, а их сочетаниями. Их разнообразие и взаимопереходы метафоричны. Трансформация метафор (образов) приводит к развёртыванию смысла, сокрытого в глубинах мифического содержания.

Рациональные бессознательные структуры способны воспринимать мир только двоично, поэтому они постоянно оформляют своё двойственное восприятие в противоположные понятия. Миф — это попытка на сознательном уровне разрешить между ними противоречия, следовательно, мифотворчество — попытка «дикарями» осмыслить действительность. А.Б. Островский вычленил три манипуляции, к которым такое мышление постоянно прибегает: совмещение бинарных оппозиций, перенос бинарности («инверсия»), ввод медиатора [11]. Последняя операция направлена на снятие противоречия. Медиатор опосредует противоположности и ослабляет между ними «конфликт». Например, оппозиция «небо – земля» разрешается через медиатор — «туман», а оппозиция «природа – культура» — через медиатор «одежда». Более сложные оппозиции ослабляются через введение дополнительных, менее напряжённых, противоречий и соответствующих им медиаторов. Программным

примером такой оппозиции является оппозиция «жизнь – смерть», речь о которой уже шла ранее.

Выявление бинарных оппозиций и их сочетаний — главная методологическая задача исследователя при работе с мифом.

Как мы можем наблюдать, бинарные оппозиции в концепции учёного — это не просто теоретическое положение, а действительно механизм, который имеет свои составляющие, связи между ними, а главное, он функционален, т. е. способен работать в условиях конкретного материала.

А.В. Бакулина обозначила алгоритм, по которому К. Леви-Стросс анализировал каждый миф:

- 1) в мифах выделяются повторяющиеся бинарные оппозиции;
- 2) находятся трансформации, варианты этих оппозиций, их перекодировка;
- 3) близкие варианты объединяются;
- 4) находится инвариант (смысловая матрица) [4].

Подобный подход упорядочивает все варианты одного мифа разных племён. Он показывает, что мифы одной тематики, несмотря на своё внешнее различие, обладают общей проблемой. Различие мифов проявляется в различии способа кодирования информации. Кодировка однотипна, ограничена по числу, а по видам бывает акустической, вкусовой, зрительной, тактильной, обонятельной, географической, космологической и т. д.

Приведение хаоса (совокупности, на первый взгляд, не связанных между собой мифов) в систему, делает видимыми аналитическому уму исследователя отдельные структуры бессознательного.

Наличие определённого алгоритма в работе с мифами говорит в пользу методологии, так как исследователь пользуется конкретным инструментарием, а не просто оперирует абстрактными принципами.

Говоря о «Мифологиках», следует отметить, что в них не только на примере конкретных мифов можно увидеть применение К. Леви-Строссом отдельных методологических приёмов, но и проследить, как в целом меняется характер его методологической системы.

Безусловно, мифологический материал американских индейцев активно анализируется учёным посредством принципов структурной лингвистики. Выявление бинарных оппозиций как главного методологического инструмента тому подтверждение. А наиболее отчётливое проявление лингвистической ориентированности французского учёного, по мнению В.В. Иванова, наблюдается в самом начале II тома («Мёд и пепел»), где главная оппозиция «табак – мёд» выводится из данных языка [5: с. 85].

Однако уже в предисловии к I тому обнаруживается переориентация К. Леви-Стросса на музыку, считавшего, что она так же способна адекватно отображать бессознательные структуры, как и миф; кроме того она обладает дополнительными возможностями к его пониманию. Содержание I тома учёный выстраивает по принципу контрапункта — музыкального сочинения,

а главы обозначает музыкальными терминами («ария разорителя звёзд», «соната хороших манер» и т. п.). М. Рыклин заявляет, что «для анализа огромного корпуса мифов американских индейцев модель, связанная с выделением бинарных оппозиций, оказалась просто недостаточной, и Леви-Строссу пришлось мобилизовать в этих целях дополнительные интеллектуальные ресурсы (прежде всего, из области теории информации и музыкальной теории» [9: с. 752]. На наш взгляд, это лишний раз доказывает тот факт, что французский учёный пытался приспособлять методологию к действительности, а не создавать «действительность» в угоду методологической логики, а значит, его исследование лишено всякого формализма.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение К. Леви-Строссом методологических принципов на большом количестве мифов американских индейцев пытается осуществляться в соответствии с логикой развития самой действительности (в данном случае мышления «дикарей», завуалированного в мифологическое содержание) с использованием совершенно конкретного инструментария и с опорой на функциональный методологический бинарный механизм.

В заключении следует отметить, что структурный (парадигмальный) подход является совершенно новым способом понимания мифологических произведений. Он позволил выйти за пределы традиционной методологии, которая не даёт понимания механизма и значения, на первый взгляд, абсурдного, мифологического повествования. Открытие же подобного смысла порождает такие идеи, которые диктуют новый взгляд на традиционное общество, на понятия «дикарь», «примитивное мышление» и «прогресс».

Литература

1. Автономова Н.С. Философские проблемы структурного анализа в гуманитарных науках (критический анализ концепций французского структурализма). М.: Наука, 1977. 271 с.
2. Иванов В.В. Клод Леви-Стросс и структурная антропология // Природа. 1978. № 1. С. 77–89.
3. Леви-Стросс К. Мифологии: сырое и приготовленное. М.: ИД «Флюид», 2006. 399 с.
4. Леви-Стросс К. Мифологии: от мёда к пеплу. М.: ИД «Флюид», 2007. 441 с.
5. Леви-Стросс К. Мифологии: происхождение застольных обычаев. М.: ИД «Флюид», 2007. 461 с.
6. Леви-Стросс К. Мифологии: человек голый. М.: ИД «Флюид», 2007. 784 с.
7. Леви-Стросс К. Структура мифов // Структурная антропология. М.: Астрель, 2011. С. 238–270.
8. Мелетинский Е.М. Клод Леви-Стросс. Только этнология? // Вопросы литературы. 1971. № 4. С. 115–134.
9. Рыклин М. Последний руссоист. Природа и культура в симфонии мифов Клода Леви-Стросса // Мифологии: Человек голый. М.: ИД «Флюид», 2007. С. 747–782.

10. Бакулина А.В. Бинарность как основная черта методологии Клода Леви-Стросса. URL: http://psydon.ru/downloads.php?page_id=45.
11. Островский А.Б. Структуральный метод К. Леви-Стросса: истоки, ориентиры, перспективы. URL: http://psydon.ru/infusions/site_map/site_download.php.

Literatura

1. Avtonomova N.S. Filosofskie problemy' strukturnogo analiza v gumanitarny'x nauках (kriticheskij analiz koncepcij francuzskogo strukturalizma). M.: Nauka, 1977. 271 s.
2. Ivanov V.V. Klod Levi-Stross i strukturnaya antropologiya // Priroda. 1978. № 1. S. 77–89.
3. Levi-Stross K. Mifologiki: sy'roe i prigotovlennoe. M.: ID «Flyuid», 2006. 399 s.
4. Levi-Stross K. Mifologiki: ot myoda k peplu. M.: ID «Flyuid», 2007. 441 s.
5. Levi-Stross K. Mifologiki: proisxozhdenie zastol'ny'x oby'chaev. M.: ID «Flyuid», 2007. 461 s.
6. Levi-Stross K. Mifologiki: chelovek goly'j. M.: ID «Flyuid», 2007. 784 s.
7. Levi-Stross K. Struktura mifov // Strukturnaya antropologiya. M.: Astrel', 2011. S. 238–270.
8. Meletinskij E.M. Klod Levi-Stross. Tol'ko e'tnologiya? // Voprosy' literatury'. 1971. № 4. S. 115–134.
9. Ry'klin M. Poslednij russoist. Priroda i kul'tura v simfonii mifov Kloda Levi-Strossa // Mifologiki: Chelovek goly'j. M.: ID «Flyuid», 2007. S. 747–782.
10. Bakulina A.V. Binarnost' kak osnovnaya cherta metodologii Kloda Levi-Strossa. URL: http://psydon.ru/downloads.php?page_id=45.
11. Oстровский А.Б. Структуральный метод К. Леви-Стросса: истоки, ориентиры, перспективы. URL: http://psydon.ru/infusions/site_map/site_download.php.

J.N. Popovich

Mythology in C. Levi-Strauss's Concept

The article reflects the specificity of the myth in the context of Levi-Strauss's structural anthropology as a phenomenon in general and as a way of the world-outlook of the Indians of North and South America. The author designated the strong suits of the structuralist approach to the mythological content.

Keywords: myth; mytheme; mythological thinking; the universality of mental structures.

Приложение

**Матрица К. Леви-Стросса,
позволяющая читать миф горизонтально и вертикально**

Кадм ищет свою сестру Европу, похищенную Зевсом			
		Кадм убивает дракона	
	Спартанцы убивают друг друга в братоубийственной резне		
			Лабдак (отец Лайя) = = хромой (?)
	Эдип убивает своего отца Лайя		Лай (отец Эдипа) = = левша (?)
		Эдип убивает сфинкса	
			Эдип = толстоногий (?)
Эдип женится на своей матери Иокасте			
	Этеокл убивает своего брата Полиника		
Антигона, нарушая запрет, хоронит своего брата Полиника			

Горизонтальное прочтение (события выстроены в хронологическом порядке) предполагает: чтение рядов слева направо и сверху вниз; выявление сюжетной линии; возможность рассказать миф.

Вертикальное прочтение (четыре колонки, в каждой из которых сгруппированы отношения, входящие в один пучок) предполагает: чтение слева направо, колонку за колонкой; выявление парадигмы, отражающей предмет действительности, осмысляемый примитивным мышлением; возможность понять миф.